
Людоед 2
Иногда забытый ужас возвращается снова.
Александр Петляков
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Александр Петляков
Людоед 2

https://litres.ru/74791544
SelfPub; 2026

Аннотация

Пожизненное заключение — не гарантия, что чудовище осталось за решёткой. Матвей Наумов, инспектор ГИБДД, осуждённый два года назад за серию убийств и изнасилований, должен доживать срок в «Белом лебеде» — но Олег Чёрный, бывший сотрудник уголовного розыска, который лично задержал маньяка, узнаёт его лицо на улице родного города. Как человек, навсегда запертый системой, оказывается на свободе, и почему никто из бывших коллег Олега не хочет в это верить? Ответ прячется в кабинетах ФСБ, где Наумова, похоже, используют как инструмент. Для чего? Остаётся только гадать. Пока Олег пытается достучаться до тех, кто когда-то охотился с ним на этого же человека шесть долгих лет, Наумов выстраивает свою игру: подставляет бывшего оперативника как подозреваемого и подбирается к его дочери. Чем обернётся сотрудничество спецслужб с убийцей двадцати шести женщин и кто успеет первым — охотник, который знает правду, или тот, кто научился ею манипулировать?

Людоед 2

«Единственное животное, которое может убивать без причины, это человек!»

Глава 1

Водитель Сергей подтолкнул к «Волге» Наумова, открыл ключом и, распахнул заднюю дверь. Потом, взял Матвея за шиворот и толкнул, буквально закинул, внутрь.

— Залазь и сиди тихо, а то кадык вырву, ублюдок!

Он захлопнул заднюю дверь, обошёл машину и сел за руль. Матвей посмотрел в зеркало заднего вида, где поймал взгляд водителя, который, явно, относился к нему не так, как майор Беляков. Старший лейтенант Сергей Зябликов, не был штатным водителем в ФСБ. Он такой же оперативник и его задача одна — держаться рядом с объектом и если что, страховать Наумова. Сейчас Сергей так и сделал, увидев, как Беляков разговаривает с каким-то алкашом. Но внутренняя ненависть к Матвею его «сжирала» каждый час, когда он находился рядом с маньяком. Он держался из последних сил, чтобы не придушить его на месте. И с каждым таким часом он всё больше и больше убеждался в том, что попросит Белякова заменить его на этом задании кем-то другим. Но с другой стороны, Сергей боялся, что майор поймёт это как проявление непрофессионализма и, вообще, посадит его в ар-

хив, бумажки перебирать. А это никак не вязалось с его мечтами побывать на настоящем задании, со стрельбой и драками. Поэтому, пока, Сергей молчал и как мог сдерживался. Получалось плохо.

Что касается Наумова, то тот только усмехнулся глядя на старлея пустыми, ничего не выражающими глазами, внутренне насмехаясь над его несдержанностью и, какой-то, детской злостью, которую он выражал.

«Ничего, щенок, я стерплю всё это. У меня есть цель, в отличии от тебя. Она у тебя тоже есть, «служить и защищать от врагов внешних и внутренних», как говорится, но, что-то, слишком абстрактно это звучит, Серёжа! Кому ты служишь? Кого защищаешь? И от кого, самое главное? От меня? Сами выпустили, сами и защищаете. Юмористы!»

Задняя дверь открылась и рядом с Наумовым сел Беляков.

— Поехали, Сергей!

Машина медленно тронулась от ворот кладбища и направилась на окружную дорогу. До областного центра было, сравнительно, не далеко, около ста километров.

Беляков закурил, не предложив Наумову и сказал, как бы размышляя и прикидывая что-то в голове:

— И зачем мы только согласились на этот ваш визит к матери?

Наумов посмотрел на майора и сказал:

— Что-то случилось?

Беляков промолчал, глядя в окно на мелькающие сосны

и тополя кладбища, будто не слышал вопроса, а может, просто, не хотел отвечать. Его разговор с Чёрным остался для Наумова незамеченным, поскольку Сергей быстро увёл Матвея из их поля зрения. При том так быстро, что этого даже Олег не заметил, оперативник со стажем. Что не говори, в спецструктурах учат гораздо лучше и серьёзней, чем в школе милиции. Иначе, зачем тогда они вообще нужны?

Беляков решил пока не говорить об Олеге. Вместо этого он сказал:

— До областного центра около ста километров. У нас там конспиративная квартира. В ней вы будете находиться постоянно, под нашим контролем. Все материалы мы вам предоставим. Выезды на места преступления будем производить вместе. Никаких лишних движений. На улицу не выходить.

Матвей посмотрел снова на Белякова и спросил:

— Вы может скажите, что случилось?

Майор поморщился. Толи он вспомнил разговор с Олегом, то ли от того, что не хочет этого говорить, но слова, всё-таки, вышли на белый свет, как-то тягуче, словно кисель, который долго стоял в холодильнике и сейчас его решили налить в кружку.

— Олег Чёрный, помните такого? Он был на кладбище. Не знаю – как, не знаю – почему, не знаю – кто сказал, но он вас там ждал! И на этот раз, свернул бы вам шею!

Беляков не знал, как быстро забилось сердце Людоеда.

Нет, не от страха, от предвкушения скорой встречи с его главным врагом, с его основной целью.

Матвея даже не волновало, каким образом на кладбище очутился Чёрный. Что их столкнуло чудовищное стечение обстоятельств, которое могло и не произойти, если бы Наумов со своей охраной, приехал бы на полчаса позже. Но получилось так, как получилось, и Господь свёл их снова, словно подчёркивая то, что между ними ещё не всё закончено. Теперь Матвей полностью уверовал в то, что нужно притворять свой план в жизнь. И чем быстрее, тем лучше. Времени в обрез и чёрный, тоже, не станет его терять впустую.

Тем временем майор продолжал, словно ничего важного для Наумова он сейчас не сказал:

— Вся информация по «подражателю», уже в квартире. Ваша мысли по его действиям мне нужен к восьми вечера.

Матвей смотрел на майора искоса, оценивая его так же методично, как когда-то оценивал женщину за рулём иномарки на посту — сколько ей лет, одна ли едет, кто ждёт дома, — и приходил к выводу, что Беляков был единственным живым звеном во всей этой конструкции. Не бумаги, не подписка, не камера с биркой в деле — человек. Если убрать человека, останется только память машины: записи, протоколы, цифры в базе. А с цифрами Наумов умел работать лучше, чем с людьми, потому что цифры не чувствуют, когда их обманывают.

Матвей заговорил, как бы оправдываясь, за Олега и всем

сердцем сожалея, что произошло на кладбище, при этом добавив в голос нотки тоски и слёз, чтоб выглядело правдивее:

— Виктор Семёнович, — Наумов произнёс отчество с лёгкой заминкой, будто сам удивлялся, что помнит, — я восемь лет мать не видел, мы с ней не общались, после того как я уехал в район. Из них, почти, трое года как она умерла! Думал, пять минут с ней поговорить. Когда ещё получится? Вы, уж, извините.

Беляков хмыкнул, принял извинение так, как принимают формальность, нужную для протокола, и побарабанил пальцами по обшивке двери. Это бессмысленное движение — тук-тук-тук, трое раза, пауза, снова трое — Наумов отметил и спрятал в памяти вместе со всем остальным: привычка нервничать, когда сидит без дела.

Машина остановилась возле подъезда панельного дома, серого, невзрачного, каких много на окраине областного центра. Беляков сказал:

— Один вопрос, Наумов — ответь мне, зачем ты ломал жертвам левую ногу? Я могу ещё понять отрезание головы, это делали многие маньяки, включая Чикатило, но ногу ломать на хрена?

Матвей усмехнулся и ответил:

— Из-за матери.

Беляков опешил.

— В смысле, из-за матери? Она то тут при чём?

— Это уже второй вопрос. Больше ничего не скажу!

Майор помолчал и сказал, будто и не было этого разговора:

— Сегодня заеду, как сказал, в восемь вечера. Будь готов! Третий этаж, квартира номер девять. Вот ключи и бутерброды. В квартире ничего нет!

Наумов кивнул головой, взял ключи и сказал:

— Постараюсь сделать всё возможное из того, что мне представят. Я же, всё-таки, мент!

Беляков бросил на руки Матвея пачку сигарет и зажигалку, потом, коротко кивнул головой, давая понять, что разговор окончен. Наумов забрал сигареты, хоть и не курил, и слегка усмехнулся тому, что чувствовал себя каким-то отбросом общества, которому даже в руки никто ничего не хочет дать, а вот только так, швырнув в его сторону. Потом открыл дверь, впуская в салон холодный воздух с запахом прелых листьев и мокрого асфальта. Он вышел, не оглядываясь, и зашагал в сторону подъезда, чувствуя, как хромота на левую ногу привычно отдаёт тупой болью.

* * *

Квартира, действительно, была полностью пустой, пахла сыростью и чужим табаком, хотя сам Наумов не курил уже два года — отучился в камере, где сигарета стоила дороже, чем стоило связываться с теми, у кого она была. Контора держала эту однушку на третьем этаже панельки, окнами во двор, под видом «конспиративной базы для оперативной ра-

боты». На деле это было признанием: ему не так сильно доверяли, чтобы держать в гостинице под камерами, но и на столько же не доверяли, чтобы селить в общагу с узбеками.

Матвей зашел на кухню: окно заколочено фанерой, газовая плита стояла посередине, тем самым говоря, что не работает, раковины не было, вместо крана – заглушка. Ни стола, ни холодильника, ни табуретки. Только две кружки на подоконнике, в одной из которых была насыпана земля, а вторая была чёрной внутри от ржавчины и с паутиной.

Ванна была совмещена с туалетом, однако кроме унитаза и крана, больше ничего не было. Ни ванны, ни умывальника. Кран смотрел в пол. Наймов дёрнул за шнурок смыва и унитаз заурчал водой.

«Ну, хоть это работает!»

Матвей прошел в комнату и включил свет – одинокую лампочку на длинном, чёрном проводе под потолком, измазанную побелкой. Здесь окно тоже было заколочено листом фанеры, стоял стол, на полу лежал старый, рваный матрас и чёрная, армейская подушка. Никаких диванов и кроватей, никакого ковра на полу, ни тумбочки, ни стула, ни пастельного белья с одеялом. Если резюмировать, то из обстановки в квартире было только отопление, вода и свет.

На столе лежали папки с бумагами, карта с местами нападения на женщин, фотографии с места преступления, экспертизы, ориентировки и прочая хрень, которая никак не помогла за целый год найти маньяка, который убил восемь жен-

щин. Наумов усмехнулся и про себя подумал о том, сколько такого материала лежало на столе Олега Чёрного, когда он ловил его шесть долгих лет. Матвей сказал вслух только одно:

— Маньяка может поймать только маньяк! Как бы вы красиво не говорили про арест Чикатило, но его поймал маньяк! Просто, он сам не знал об этом и думал, что он мент! И Чёрный, тоже маньяк. Он же, сука, не просто так сломал мне левую ногу. Он сделал это специально, как я когда-то ломал левую ногу всем этим бабам! Все хотят мне подражать! Одни маньяки вокруг!

Наумов прошел на кухню, взял с подоконника кружки и вернулся в комнату. Он расстелил карту на полу, прижав углы, и сел рядом, на матрас, вытянув больную ногу, — колено левой ноги по-прежнему не сгибалось до конца, и поза давалась с болью, но боль он давно перестал считать чем-то, заслуживающим внимания. Он достал бутерброд с колбасой и откусил.

Карта была рабочая, настоящая, из материалов дела о «подражателе»: красные точки — места преступлений, синие — камеры наружного наблюдения, зелёным обведены маршруты патрулей.

Синих точек по городу было много, но не везде. Центр светился ими, как новогодняя гирлянда, — там, где богатые дома, там, где дерутся за каждый квадратный метр парковки. А вот окраина, за старым элеватором, где город заканчивал-

ся недостроенной эстакадой через овраг, оставалась чистой. Стройку забросили ещё в девяносто седьмом, когда у города кончились деньги на всё сразу, и с тех пор мост так и стоял — куцый обрубок бетона, нависающий над пустотой, обвитый ржавой арматурой, которую местные давно не трогали, потому что ехать за металлом в такую глушь было себе дороже.

Наумов обвёл это место карандашом и долго смотрел на пустой кружок, представляя не столько овраг, сколько тишину вокруг него. Ни одной камеры в радиусе полукилометра. Ни одного фонаря, который бы работал — что может быть лучше, где темно, где глухо, где можно остаться наедине с человеком, не опасаясь, что это увидит хоть что-то, кроме звёзд.

Матвей изучил протоколы опросов свидетелей, осмотра мест преступлений и отложил пару листков из общего вороха бумаг, в сторону. Эти свидетели показались очень интересными, учитывая то, что один из них – женщина, которой, как и Беляевой в своё время, удалось выжить. Второй свидетель – таксист, который подвозил маньяка. Он опознал его по фотороботу и сам пришел в милицию. Все остальные допросы свидетелей были «размыты» - какой-то мужик, лет сорока, высокий, плотный, с длинными руками. Да ещё и видели издалека, сомневались в своих показаниях. Короче, ничего интересного.

По осмотру места происшествия было понятно, что все жертвы не были убиты именно там. По всем признакам и

отсутствию улик на месте, маньяк привозил их туда. Отрабатывали следы протектора машины. Но следы автомобиля, которые удалось обнаружить, каждый раз были разные. Восемь трупов, восемь разных следов протектора. Сейчас ведётся отработка следов протектора всех машин по городу. Ужасная рутина, которая может ни к чему не привести. Наумов был в этом даже уверен, поскольку из восьми машин нашли только две, при этом каждый из хозяев имел железное алиби на момент преступления – отпуск с женой и детьми за границей. Машина на тот период, находилась в ремонте, в сервисе, и, чисто механически, не могла передвигаться, поскольку ремонтировался двигатель. Снова тупик.

Из общих с Наумовым ранений на трупе, были укусы, изнасилование и сломанная нога. Голова оставалась на месте, никто рот от уха до уха не разрезал. Но это не помешало вытащить Матвея из тюрьмы и подключить к расследованию.

Он откинулся на стену и закурил первый раз за эти годы, взяв в качестве пепельницы кружку с паутиной внутри. В голове зашумело, непривычно и приятно от никотина, который проник в кровь и мозг.

«Значит так, похоже квартиру подготовили основательно. Никаких столовых приборов, никакой возможности посмотреть на мир из окна, никакого шанса наложить на себя руки или на кого-нибудь другого. Чем им только раковины помешали? Но это мелочи. Я не собираюсь совершать самоубийство. Это грех. И маньяка этого тоже, искать не буду. У меня

совсем другие задачи и планы, которые нужно решать. Времени нет!»

Он достал телефон — простую кнопочную «Нокию», тоже выданную конторой, — и набрал номер городского телефона, который был на одном из отложенных листков.

— Светлана Аркадьевна Ненашева, добрый день! Меня зовут Виктор Семёнович Беляков, я майор ФСБ.

В трубке послышалось прерывистое дыхание, словно женщина испугалась звонка такого человека.

— Здравствуйте, чем могу помочь?

— В наше ведомство передали дело о нападении на женщин в вашем городе. Я старший группы. Мне бы хотелось с вами встретиться и поговорить.

В трубке повисла тишина, потом Матвей услышал несколько всхлипов, словно у абонента был насморк, а потом женщина ответила:

— Хорошо, мне подъехать в милицию?

— Нет, не надо! Давайте с вами встретимся, где вам будет комфортнее и удобнее.

— Тогда –у меня дома. Мы здесь можем поговорить.

— Хорошо, но дело в том, что я сейчас в пути и смогу приехать только вечером, около девяти. Будет ли это для вас удобным?

— Я живу с мамой, поэтому, давайте тогда утром, часов в десять, на Путиловской улице есть кофейня «Тёплый плед». Я подъеду туда.

— Договорились. Возьмите с собой паспорт.

Наумов сбросил вызов и потушил сигарету. Он, с трудом, поднялся и направился к выходу. Открыв дверь он выглянул наружу. В подъезде была гробовая тишина, только за окном редкие капли с крыши били об металлический отлив подоконника. Все соседи, по всей видимости, были на работе, а те, кто оставался дома вели себя очень тихо.

Коричневая, деревянная дверь напротив, с глазком и навесным почтовым ящиком, не внушала доверие ни своей мощью, ни отсутствием тех, кто мог за ней находиться. Наумов решил для себя, что там, уже за ним наблюдают. Он вышел и подойдя к двери позвонил несколько раз. Прильнув ухом, он не услышал никакого движения за дверью. Матвей позвонил снова, но ответа не последовало. Дверь никто не открыл и внутри стояла гробовая тишина.

«Может я ошибся? Странно.»

Наумов стал медленно подниматься на верхний этаж, ожидая, что этим спровоцирует тех, кто присматривает за ним через глазок в двери. Но никто не вышел и не окликнул его.

Матвей поднялся до металлической решётки на чердак. Там висел массивный, амбарный замок, который больше внушал доверие своим видом, чем самой технической конструкцией, которую мог открыть любой, мало-мальски знающий устройство замков.

Наумов хмыкнул и спустился к себе на этаж. Там, всё

так же, было тихо. Дверь его квартиры была приоткрыта на несколько сантиметров, ровно так, как он её оставил. До приезда Белякова оставалось ещё трое часа и это время маньяк решил провести с пользой.

Он открыл дверцу в электрощите и выключил свет в своей квартире. Потом пододвинул стол в комнате и срезал лампочку над потолком. Лампочку он аккуратно разбил и собрав осколки в ладонь, вышел из квартиры, включил снова тумблер света, и рассыпал их под половик своей двери. Теперь он услышит, если кто-то к ней подойдёт просто послушать или намеренно зайти внутрь.

Из кусочка металлической жилы провода он сделал отмычку для замка и снова поднялся наверх. Там, в течении минуты, он вскрыл замок и поднялся по лестнице ко входу на чердак.

Всё помещение чердака было пропитано запахом пыли, мокрого картона вперемешку с мышиным помётом и паутиной, которая свисала с потолка. Повсюду валялся хлам из обрывков газет, консервных банок, старой ветоши, кусков рубероида, клочков какой-то одежды, обуви и кухонной утвари.

Наумов нагнулся и поднял ложку.

«Ну вот, теперь я с «веслом». Осталось жратвы ещё найти! Каких-нибудь дохлых крыс или кошек!»

Он сунул находку в карман и прошел до самого конца чердака, где был выход в самый крайний подъезд дома.

Спустившись вниз он обнаружил, что тут была та же самая решётка с точно таким же навесным замком, что и в его подъезде. ЖКХ не заморачивалось с разнообразием замков. Купили оптом на все дома и так же, оптом, поставили металлические решётки. И дешевле, и быстрее.

Наумов просунул руки между решетками, на секунду представил себя заключённым, который выходит на свободу и улыбнувшись своей аллегории, быстро открыл замок проволокой. Вытащив его из проушин, он повесил его со своей стороны на прутья решетки и направился вниз, ко входу. Открыв аккуратно входную, подъездную дверь, он выглянул наружу. Во дворе машин было мало. Все жители ставили своих «железных коней» в гаражи, а те две машины, которые стояли во дворе, скорее всего, приехали в гости или по его душу.

Наумов не нашёл чёрной «Волги», но это и понятно, никто на такой машине скрытно за кем-то не наблюдает. Стоял зелёный запорожец и бежевая «шестёрка» с тонированными стёклами, на противоположной стороне детской площадке. Матвей сразу понял, что эта машина, точно, по его душу.

«Идиоты!»

Он уже хотел вернуться обратным путём к себе в подъезд, но «шаха», вдруг, тронулась с места и двинулась на выезд из двора к проезжей части. Наумов очень удивился. Неужели и здесь ошибся как с дверью напротив его квартиры? Неужели, его никто не охраняет и не следит за его пребыванием в доме?

Он вернулся в квартиру, запер дверь, сел на матрас, морщась от тупой, ноющей боле в сломанной ноге и закурил. Наступил самый опасный и страшный момент во всём этом деле, которое начался в санчасти «Белого лебедя» — «непонятки»! То, что ему начали безраздельно доверять, было из чего-то запредельного. Может никто не рассчитывает на его особую прыть со сломанной ногой и поэтому наблюдают «спустя рукава»? Дескать, куда ему из квартиры деться? Хоть и областной центр, но город провинциальный, не большой и хромого тут найти не составит труда.

«Нет, тут что-то другое. Что-то, чего я не могу понять, и это меня бесит. Кто может рассказать? Беляков? Ну что же, давай спросим у Белякова!»

Наумов посмотрел на цоколь от разбитой лампочки с острыми краями стекла по кругу, и усмехнулся.

***

За дверью раздался хруст стекла. Матвей напрягся и встал. Беляков постучал в дверь ровно в восемь часов вечера. Наумов уже стоял у стены в тёмной комнате, рядом с дверным проёмом. В коридоре и на кухне горел свет. От этого в самой комнате становилось ещё темнее.

— Входите, открыто!

Беляков вошёл и закрыл за собой дверь.

— Наумов, вы где?

— Тут я, в комнате на матрасе. Почему-то свет погас, ни с того ни с сего. Нога, падла, разболелась, ни стоять, ни ходить не могу, чтобы проверить, что там с предохранителями. Проходите, Виктор Семёнович. Я, уж, вставать не буду.

Майор подошел к комнате.

— Где вы здесь?

Не дожидаясь ответа он чиркнул зажигалкой и вошёл в комнату. Тут же от удара ножкой стола по затылку, потерял сознание и рухнул на пол. Наумов отбросил ножку в сторону и тихо сказал:

— Здесь я! Не ори.

Матвей оттащил его на кухню, снял с оперативника куртку и оставшимся электроеческим проводом крепко связал руки майора за спиной, прислонив его к стене под окном. Потом, отошел в сторону и закурил, дожидаясь пока беляков придёт в себя.

От затылка к виску и дальше по щеке бежала струйка крови, очень тонкая, похожая на линию от красного фломастера. Ещё одна стекала к левому уху, огибала его и текла по шее за воротник рубашки. Глаза майора подрагивали.

Наумов обыскал куртку, вытащив удостоверение, табельный «ПМ», обоймы к нему забрал вместе с кобурой на поясе. Основной сюрприз был смартфон. Таких Матвей никогда не видел, только слышал, что их называют сейчас «наладонники». По сути, миникомпьютер.

Он снял своё пальто, в котором было неудобно ходить, от-

бросил его в угол кухни и накинул куртку, засунул пистолет в карман, вместе с обоймами. Смартфон сунул во внутренний карман. Ключей от машины не было. Наумов почесал лоб.

«Значит, майор не стал рисковать, привлекая ненужное внимание и приехал на такси или общественном транспорте? А может его Сергей привёз? Ладно, с этим потом».

Беляков начал приходить в сознание, покачал головой и откинул её назад, открыв глаза. Он улыбнулся и сказал, морщась от боли:

— Обманул, а я «купился». Как пацан! Обидно, сука! Чего ты хочешь?

— Один вопрос, майор – меня «пасут» или нет?

— Конечно, кто же маньяка гулять по городу отпустит!

— Каким образом?

Беляков покачал головой и сказал:

— Это уже второй вопрос! Больше ничего не скажу!

Майор, снова улыбнулся, закрыл глаза и прислонился затылком к подоконнику. Наумов не ожидал такого поворота. Он рассчитывал, что сейчас его начнут оскорблять, угрожать, бросать фразы что-то типа того что он никуда не уйдёт, что город отцеплен, что его сразу ликвидируют при задержании, даже не пытаясь брать живым. Или наоборот, начнут умолять отпустить, не убивать, клясться, что никому не скажут, просить пожалеть детей. Всё это он уже рисовал в своей голове и наслаждался, даже упивался этой новой возможностью прочувствовать эту вожделенную власть над человеком

и чувствовать себя выше Бога. Решать умрёт он или нет!

Но этого не случилось. Беляков был спокоен настолько, что будто это он вёл допрос, а Наумов должен был говорить правду и только правду. Это спокойствие майора выводило маньяка из себя. Шаблон, созданный в голове с самого детства, рушился с треском, как когда-то трещали кости в ноге маньяка, когда её ломал Олег Чёрный. Как и над Олегом, у Матвея не было власти над Беляковым. Это приводило Наумова в ужас. Его не боялись эти двое. Им плевать на него и если представиться возможность, они сломают ему не только ногу, но и свернут шею, провернув голову вокруг вертикальной оси несколько раз.

Он растерялся и не знал, что дальше делать. А майор, всё так же с закрытыми глазами подливал масла в огонь.

— Что замолчал? Хочешь убить — валяй! Но от меня ты ничего не добьёшься. Кишка тонка! Трус ты, как и все маньяки! Ни одного из таких упырей как ты не видел, которые бы нападали на ментов, военных или просто, здоровых мужчин! Ссыкливо вам, твари! Только на стариков, женщин и детей можете!

Матвей повертел цоколь в руке, как бы оценивая торчащие осколки стекла, и сказал:

— Подумай о семье, майор! Если тебе плевать на себя, подумай о них! Я, рано или поздно, найду твоих близких, и они будут страдать.

— Хрен тебе, Наумов! Нет у меня никого и никогда не

было. Я сирота с детства и своей семьёй не обзавёлся!

Наумов наконец понял причину такого спокойствия Белякова. Ему нечего и некого терять в этой жизни. И на себя плевать. Он служил государству и жизнь его принадлежала только государству. И какой-то маньяк ничего не сможет с этим сделать. Не запугать и не сломить. Об одном только Матвей забыл, что говорит с профессионалом, который знал всю его гнилую, мелочную, рабскую сущность и знал, как говорить и что говорить маньяку.

— Ну, что же, Виктор Семёнович, тогда прощайте!

Наумов двинулся к Белякову, держа в руке цоколь с острыми стеклянными осколками по кругу. Ещё шаг и Матвей получает подсечку ногой от майора и падает на пол, как высокая трава под острой косой. Цоколь отлетел в сторону. Наумов взвыл от боли в левой ноге, на которую приземлился. И сразу за этим, он получает второй удар ноги оперативника в лицо. Матвей закричал схватившись за разбитый нос, перевернулся на живот и стал, неуклюже, вставать. Этого времени хватило, чтобы Беляков поднялся на ноги, с завязанными за спиной руками. Наумов выпрямился и повернулся к Белякову. Но от майора, уже летела в голову маньяка удар ноги с разворота на 360 градусов. Удар был настолько сильный, что Матвей отлетел к боковой стене, перелетев через газовую плиту и всем телом рухнул на пол.

— Вставай, сука, я с тобой ещё не закончил, упырь! Ты же не думал, что всё со мной будет так просто?

С разбитого лица маньяка текла кровь изо рта, брови, носа и уха. Голова «плыла» от сотрясения, которое получил Матвей от последнего сокрушительного удара ноги. Он тряхнул головой, схватился руками за край плиты, опёрся и начал вставать. Беляков прыгал на месте, как разминающийся футболист перед матчем. Его нисколько не смущали связанные за спиной руки. Он даже не пытался освободиться. Майор прыгал с ноги на ногу, ожидая, когда из-за плиты появиться голова Наумова, чтобы нанести ещё один удар ногой по этой мерзкой роже. Однако, как только представилась такая возможность, Беляков просчитался. Матвей увернулся от ноги и откинувшись к стене, упёрся в плиту ногами, а потом с силой толкнул ею в Белякова. От удара плитой в ногу майор перегнулся через неё, не устоял на одной ноге и упал к Наумову в руки, через плиту. В ту же секунду в глаз майора врезалась ложка, войдя на всю ручку в мозг.

Беляков обмяк. Наумов отшвырнул тело от себя ногой и отдышался.

— Вот, гнида комитетная! Чуть не убил, Джеки Чан хренов!

Придя в себя, Матвей встал и пошел в ванну умыться. Розовая от крови вода текла на пол, собираясь в маленькие лужи и продолжая течь к плинтусам.

Вытерев лицо подкладкой куртки, Наумов вышел из ванны и направился на выход из квартиры. Не доходя пары метров до двери, он, вдруг, остановился и вернулся в комнату,

где забрал карту и бросил на матрац пистолет с обоймами.

***

Матвей сидел в кафе «Тёплый плед» изучая смартфон Белякова. Переписка открылась легко, будто дверь, которую забыли запереть. Отчёты о нём самом — подробные, с датами и часами, вплоть до того, во сколько он выходил покурить на лестничную клетку съёмной квартиры. Переписка с кем-то выше по званию, где Беляков мимоходом называл его «активом» и один раз — «материалом», без всякой издёвки, просто как термин, бухгалтерскую запись в графе расходов. Пароли от внутренней базы, сохранённые в заметках телефона с беспечностью человека, который считал себя неприкасаемым, потому что носил нужное удостоверение. Адреса, явки, номера кураторов рангом повыше — то, что раньше Наумову показывали кусками, строго дозированными, как лекарство алкоголику, а теперь лежало перед ним целиком, без фильтра.

Он сидел над экраном долго, читая внимательно, как читал когда-то ориентировки на самого себя, добытые через знакомых в розыске, — с тем же спокойным удовлетворением человека, который наконец получил доступ к документу, где обсуждали его собственную судьбу.

Наумов листал файлы методично, без жадности, с той же обстоятельностью, с какой когда-то читал ориентировки на самого себя, добытые через знакомых из розыска. Служебная переписка, отчёты по активам, списки явок — всё это

он уже просмотрел ночью. Теперь очередь дошла до папки с архивом старых дел, тех, что Беляков таскал с собой то ли по привычке, то ли по службе — готовил справку для начальства о «рецидивоопасных элементах региона». Папка называлась сухо: «Материалы ОРМ, уголовный розыск, 6 лет охоты».

Матвей открыл один из файлов без особого интереса — и остановился.

Имя стояло в протоколе задержания, в графе «сотрудник, применивший физическое воздействие»: Чёрный Олег Викторович, оперуполномоченный уголовного розыска. Дата, место, краткое описание — «задержанный оказал сопротивление, травма нанесена в ходе пресечения». Сухая казённая формулировка того, что на самом деле было хрустом его собственного колена и малой берцовой кости, звуком, который он слышал потом каждую ночь первые полгода в больничной палате при колонии, пока кость срасталась неправильно и дарила ему незабываемую возможность хромать до конца жизни.

Наумов читал фамилию медленно, по буквам, как будто она могла измениться, если смотреть достаточно долго. Он не забыл это лицо ни на один день из двух лет заключения — оно приходило к нему не как кошмар, а как упражнение, которое он проделывал методично, вечер за вечером, оттачивая ненависть так же аккуратно, как оттачивают навык вождения или стрельбы. Теперь у ненависти появился адрес.

Он пролистал дальше, без спешки. В той же папке, среди справок о родственниках фигурантов прошлых дел — обычная бюрократическая рутина, которую ФСБ собирало на всех, кто хоть раз пересекался с особо тяжкими, — мелькнула короткая строка: «Чёрная Виктория Олеговна, дочь, 19 лет, проживает: областной центр». Дальше — адрес, место работы, пара строк из заключения по биллингу, оставшихся, видимо, от какой-то старой проверки.

Областной центр. Тот самый город, куда его сейчас направили — ловить «подражателя», собирать кровавые слепки с чужого почерка, изображать из себя перевоспитанного специалиста. Он усмехнулся.

Система сама, своими казёнными руками, положила перед ним карту. Он искал бы её неделями, рыскал бы по городу, вычисляя родственников — а тут ему, просто, вручили адрес, вместе с удостоверением, легендой и доступом к базам, которые даже участковый не всегда получает без санкции. Ирония была такой плотной, что хотелось произнести её вслух, но произносить было некому.

Он откинулся на стуле, глядя в потолок, где жёлтая лампа оставляла бледный круг света. Про Чёрного ходили разговоры ещё тогда, в розыске, — он слышал краем уха от сослуживцев, подслушивал через частоты, собирал по крупицам: у оперативника есть дочь, которую он, по словам одного пьяного участкового, «любит больше собственной жизни, даже больше службы, а служба у него вместо жены была». Такие

слова запоминаются, если знаешь, зачем их запоминать.

Тюремная сдержанность, выработанная двумя годами коридоров и камер, где любое неосторожное слово могло стоить добавочного срока, больше не требовалась. Куратора не было. Надзора не было. Задача поимки «подражателя» превращалась теперь в удобную ширму, под которой можно было делать что угодно. Для всех ментов он под надзором, для всех людей, он сидит в «Белом лебеде», в городе действует «подражатель» на которого повесят всё, что может натворить Наумов, подражая самому «подражателю». И никто даже вопроса не задаст, а не тот ли это Людоед? Кроме одного человека, который узнал его на кладбище. Но кто ему поверит? Никто. К тому же, скоро Людоед выполнит то, о чём долго мечтал в одиночной камере.

Наумов подумал о том, что нужно сделать в первую очередь. Правильно говорят, что месть — это блюдо, которое подаётся холодным.

***

Светлана немного опоздала. Женщина, лет тридцати, достаточно, симпатичная, стройная, высокая, с длинными каштановыми волосами в брючном, бежевом костюме и светлом пальто, сверху.

— Извините, за опоздание, — сказала она виноватым тоном. — Маме с утра стало плохо, нужно было сделать укол и немного посидеть с ней, чтобы давление нормализовалось. Возраст, сами понимаете.

Матвей кивнул головой, больше для себя оценивая девушку, чем соглашаясь с её оценкой здоровья престарелого человека. Он уже был возбуждён одной мыслью обладать этой женщиной, и какая-то там её мать его совершенно не волновала. После всего, что случилось в квартире с Беляковым, маньяку срочно нужно было утвердиться в своём призвании подчинять людей и быть выше их, решать извечный вопрос для них «быть или не быть». Это Наумову нужно было как воздух, поэтому всю эту преамбулу с извинениями и матерью Светланы он пропустил мимо ушей и молча показал на стул, напротив.

— Светлана Аркадьевна, я не стану ничего записывать, заполнять протокол допроса и прочее. Мне это не нужно. Я хочу, чтобы вы подробно рассказали про тот день, когда с вами произошло это несчастье. Я понимаю, как вам трудно про это вспоминать, но чем подробнее вы будете описывать ситуацию, тем быстрее мы его найдём, и маньяк получит своё заслуженное наказание. И поверьте мне, в тюрьме для пожизненно заключённых, это наказание будет для него хуже смерти!

В кармане Наумова звякнул входящим сообщением смартфон Белякова.

«Виктор Семёнович, доброе утро! Совещание началось, вы будете присутствовать?»

Матвей лихорадочно сопоставил факты: Беляков приехал к нему вчера на общественном транспорте, поскольку маши-

ны во дворе не было, значит, никто не мог отследить, когда он ушел, если, вообще, кто-то следил за домом.

— Извините, Светлана Аркадьевна, это по работе.

Он быстро написал ответ какому-то Сергею:

«Я срочно выехал ночью в Москву, на доклад. Мне не звоните. Я сам наберу. Как объект?»

Сообщение ушло и через несколько секунд «прилетел» ответ, который вызвал недоумение у Наумова: «Объект из дома не выходил».

Вот так поворот.

«Получается, что я и сейчас на конспиративной квартире, хотя сижу здесь? И в чём подвох? Почему так происходит?»

Матвей прокрутил в голове возможные варианты, потом порылся во всех карманах, явно нервничая и уже начиная что-то понимать и, наконец, устало откинулся и улыбнулся. Ему стало понятно, как именно за ним следили и для этого, действительно, не нужно всё время торчать у подъезда или ходить за маньяком по пятам. Достаточно поставить «жучок» в его телефон и всё. А Наумов забыл его в кармане пальто, когда одевал куртку Белякова. Его так заинтересовал смартфон майора, что он напрочь забыл о своём. И теперь он так и лежит на кухне.

Официант принёс кофе, который Матвей заказал заранее для девушки и просил принести только когда она появиться. Светлана удивилась, а Наумов успокоил:

— Вы, извините, я позволил себе вольность заказать вам

кофе. Не знаю почему, но когда вы сказали про кофейню, я сразу понял. что вы любите кофе по утрам. На улице лёгкий мороз, и он сейчас был бы кстати. Не знал, как вы его пьёте, поэтому заказал и сливки, и сахар, и корицу, и воду.

— Спасибо большое! Как вы угадали с кофе? Ведь здесь и чай есть?

— Опыт, Светлана Аркадьевна!

Девушка улыбнулась. Всем своим видом и выражением лица, выражая благодарность заботливому мужчине. Она и не догадывалась, что в его глазах, перед ним сидел кусок мяса, по которому он очень скучал, как лев, которого два года заставляли жрать капусту, а ему во снах снилась кровь и крики жертв. Слишком долго Матвей терпел, борясь в тюрьме со своими желаниями познать снова тот вкус плоти и насилия, что его так возбуждал и дарил силы к жизни и новым преступлениям. Одна мысль, что это больше никогда не повториться доводила до сердечных приступов.

И вот сейчас перед ним жертва, которая об этом ещё не знает. Если бы не те рамки преступлений маньяка, который орудовал в городе, Наумов бы растерзал жертву в своей манере, самым страшным образом, в желании утихомирить своего зверя. Но нельзя, иначе все поймут, что в этом есть что-то другое. Начнут сравнивать с ним и преступлениями прошлых лет. Найдётся какой-нибудь умник, типа Олега Чёрного, проведёт параллели, поедет в «Белый лебедь», а там никого. Вот тут и начнётся!

Девушка протянула паспорт. Наумов удивлённо посмотрел на него и сказал:

— Не понял, зачем?

Светлана удивилась.

— Вы же сами сказали, чтобы я взяла паспорт?

Наумов задумался и понял, что он сказал её это из своей прошлой жизни. Он просил все свои жертвы показать паспорт, где была прописка, чтобы знать, откуда жертва едет на работу и каким маршрутом. В маленьком городе это было просто вычислить, а потом стать на этом маршруте, попросить отвезти, под различным предлогом туда, где нет свидетелей и убить.

Вот и сейчас, Наумов по привычке попросил паспорт и даже не заметил своей фразы.

— Ах да, я забыл! Итак, если вы не против, мы, пожалуй, начнём. Я буду задавать вопросы, а вы отвечать. Так вам будет удобнее и проще, чем самой составлять рассказ, который сами не очень хотите рассказывать другим. Скажите, где вы встретились с мань… с этим человеком?

Светлана отхлебнула кофе и сказала:

— Это было вечером, часов в семь или восемь. Я вышла из супермаркета и села в машину. Он, словно, вырос из-под земли и постучал в боковое стекло, а потом показал удостоверение милиционера или типа того, я не помню.

— Не волнуйтесь, Светлана Аркадьевна…

— Можно просто, Светлана!

— Хорошо, Светлана, как он выглядел?

Девушка поморщила лоб, вспоминая события того времени, а потом сказала, медленно и неуверенно:

— Я сейчас, могу ошибаться, может, лет сорок или больше, высокий, глаза карие или чёрные, брови густые… темно было…

Светлана остановилась и спросила:

— Я же это уже говорила в милиции, они вам не предоставили мои показания?

— Я только приехал и ещё не заезжал в отдел. А если честно, то я люблю сам всё услышать, а не читать кем-то написанный текст. Вы же понимаете, что там могут написать не так или не то. И что было дальше?

Девушка опустила голову и стала говорить себе в ноги, глядя на пол:

— Он попросил отвести его к месту преступления. Сказал все уехали, а он опоздал и теперь ему грозит выговор и на меня одна надежда! Я пожалела его.

Матвей был в шоке. Это был его способ заманивать жертвы, только немного урезанный. Он на следствии так и не сказал, каким образом жертвы сами приезжали к нему. Его спрашивали об этом, а он только улыбался и качал головой. А всё было просто, как всё гениальное: он останавливал иномарку с красивой девушкой, проверял документы, находил нарушение, просил паспорт для, якобы, оформления протокола, но на середине заполнения говорил что-то типа «лад-

но, не буду я вас штрафовать, мы же все люди и можем ошибаться. Сегодня я вам помог, завтра вы мне. Езжайте, счастливого пути»

Жертва счастливая и довольная рассыпалась в благодарностях и уезжала, а на следующий день или через день, он останавливал её на дороге своей полосатой палочкой и говорил, что товарищ уехал на служебной машине, а ему срочно нужно добраться до места преступления и просил подвести туда, где уже было определено место для этой жертвы и там спокойно убивал её. Поэтому никто и не мог понять, как так, что нет следов борьбы, машина не бита, а припаркована, и никаких следов. А их и быть не могло. Жертву оглушали ещё в машине. Потом Наумов одевал пластиковые пакеты на ноги и перчатки на руки. После всего, он забирал всю одежду где могли оставаться следы, шёл к своей машине, которая была, заранее, припаркована в нескольких сотнях метров и уезжал. Всё что забирал с места преступления, сжигал на городской свалке.

А теперь другой маньяк частично скопировал его план. Откуда он знал? Кто его мог надоумить? Наумов с удивлением качал головой и думал только о том, что маньяка может поймать, только маньяк.

Сквозь свои размышления он услышал голос Светланы:

— Виктор Семёнович, всё в порядке?

Он вздрогнул, будто очнувшись от своих мыслей.

— Всё хорошо, ну, в смысле, я понял. Дальше?

Девушка покраснела. Она явно не хотела рассказывать о том, что было дальше, а Наумов очень хотел услышать подробности. Это его уже возбуждало. Однако, он не подал вида и сказал, словно делая снисхождение:

— Хорошо, я вижу вам трудно говорить об этом. Я не стану настаивать. Расскажите, почему он вас отпустил?

Светлана пожала плечами.

— Он сказал, что знает где я живу и с кем, и если мне дорога своя жизнь и жизнь моей матери, то я буду молчать.

— А почему вы тогда, всё-таки, пошли в милицию?

— Я подумала, что если не расскажу, то он может ещё кого-нибудь убить, а это будет уже на моей совести. Я бы не смогла с этим жить.

— И что вы там рассказали?

— Абсолютно, всё! И главное, то, что он был из милиции или из каких-то силовых структур.

— А они?

Светлана снова пожала плечами.

— Ничего. Прошло трое недели, но никто ни словом, ни полусловом, не обмолвился, что это милиционер. Я поняла, что своим визитом и показаниями, подставила себя и свою мать. Теперь живу в страхе. Вот сейчас приехала сюда, а две соседки сидят с мамой, чтобы с ней ничего не случилось. Зачем только я пошла в милицию? Хотела остановить маньяка, а в результате стало только хуже.

Наумов постучал пальцами по столу и сказал:

— Не волнуйтесь, мы с вами остановим его! Для этого мне нужно знать, где всё это произошло. Сможете меня туда отвести?

— Конечно!

— Далеко это? Я успею к обеду вернуться? Просто, меня ждут в ГУВД к 12.00.

— Успеете, это за городом, где заброшенная эстакада.

Матвей сразу вспомнил карту и место, которое обвёл кружком, не думая тогда, что «подражатель» тоже выбрал это место для своего преступления. Жгучее желание насилия, которое за два года «утонуло» в невозможности, теперь накрыло его снова. Наумов уже не мог терпеть. Скоро он доведёт до логического конца то, что не довёл «подражатель» и убьёт свидетеля, но не для помощи маньяку, сейчас Наумову нужна была кровь. В его видениях, он уже рвал жертву зубами, при этом слегка рыча от удовольствия. Он боялся, что не сдержится. Нужно было торопиться выпустить зверя на волю и ощутить это незабываемое чувство власти.

— Тогда, не будем терять времени! Поехали!

Оба встали и направились к выходу. Светлана заметила, что её спутник сильно хромает на левую ногу и спросила:

— Что у вас с ногой?

Наумов напрягся, но, сразу взял себя в руки, поскольку знать о хромом маньяке девушка не могла, и спокойно ответил:

— Бандитская пуля. Ранен был при задержании опасно-

го преступника, теперь вот, хромаю. И так теперь до конца жизни. Вы не против, если я сяду за руль?

В глазах девушки появилось сострадание. Она даже не представляла, что жить ей оставалось не больше получаса.

— Конечно, пожалуйста.

Через двадцать минут серая «Ауди» Ненашевой остановилась на пустыре у разрушенной эстакады. Светлана осмотрелась и сказала:

— Кажется, здесь, надо проверить…

Договорить она не успела. Матвей схватил её за затылок и несколько раз с большой силой ударил лицом о переднюю панель. Светлана потеряла сознание и откинулась в право, на дверь.

— Не надо ничего проверять! Это здесь!

Наумов вышел из машины и открыл багажник. Вместо бейсбольной биты он нашёл большой разводной ключ. Матвей прошел к пассажирской двери и открыл её. Девушка выпала перед ним на землю. Ноги остались лежать на обрезе двери. Наумов смотрел на бессознательное тело девушки, и страшная улыбка стала медленно расползаться на его лице. Какое-то глухое рычание вырвалось из груди. Рука с разводным ключом взмыла в воздух и со страшной силой опустилась на левое колено Светланы.

Дикий крик боли взмыл в небо над пустырём и через секунду резко оборвался.

Глава 2

Чёрный подъехал к, когда-то родному месту работы, хлопнул дверью «Жигулей», как всегда не закрывая, и двинулся к дверям отделения. Дежурная часть РУВД встретила Олега тем же запахом, что и в прошлые годы: хлорка, перегретый радиатор, чей-то суточный пот, въевшийся в стены крепче любой краски. Ничего не поменялось, кроме, пожалуй, нового стенда с портретами личного состава у входа — его самого там, разумеется, давно уже не было.

Олег вытер ноги о резиновый коврик, хотя снега на улице ещё не было, только изморозь по утрам, да ледяная корка на лужах. Третий день без капли спиртного — горло пощипывало, руки были твёрдыми, мысли шли ровно, как будто кто-то внутри него подкрутил настройку резкости на место. Он держался за эту трезвость, как за поручень в раскачивающемся вагоне: отпустишь — упадёшь.

За стеклянным окошком дежурки сидел капитан с лысиной, «отполированной» настольной лампой, и что-то старательно писал, не поднимая головы. Когда Олег подошёл ближе, капитан всё же оторвался от бумаг — и лицо его изменилось, с той особой гримасой, с которой смотрят на старую фотографию, где снят был кто-то, кто давно умер.

— Чёрный? — произнёс он, будто сверяя фамилию с описью. — Живой?

— Громов, — кивнул Олег. — Служишь ещё?

— Служу, — Громов отложил ручку. — А ты, говорят, по городу «таксуешь»?

— Говорят.

В голосе Громова не было враждебности — скорее то вежливое, слегка брезгливое любопытство, с каким смотрят на бывшего спортсмена, спившегося после травмы. Олег помнил его ещё лейтенантом, тот тогда бегал с протоколами по этажам и заискивал перед каждым, у кого было больше одной большой звезды на погоне. Теперь сам сидел за стеклом, важный, с капитанскими звёздами и с небольшой выслугой до пенсии по льготной линии.

— Заявление хочу сделать, — сказал Олег. — Официально.

Громов посмотрел на него, оценивая, насколько это серьёзно, и насколько стоит тратить время на бывшего опера с историей, о которой знал весь отдел.

— Ну, излагай. — Он придвинул к себе чистый бланк, и, не торопясь, взял ручку.

— Наумов жив, — сказал Олег. — Видел его вчера на кладбище, за Заводской.

Рука Громова с ручкой замерла над бумагой.

— Какой Наумов?

— Людоед, — Олег произнёс кличку спокойно, без театральности, как произносят диагноз. — Матвей Сергеевич Наумов. Я его брал почти трое года назад. Я его покалечил при задержании, если ты подзабыл эту часть истории.

Громов откинулся на спинку стула, и в его взгляде мелькнуло что-то среднее между жалостью и раздражением.

— Наумов сидит, Олег Викторович. Пожизненное. «Белый лебедь». Чего ты несёшь?

— Он хромает на левую ногу, — продолжал Олег, не повышая голоса. — Так же, как хромал после операции. Такую походку не подделаешь, я её два года во сне видел.

Он не упомянул ни слова про ФСБ и человеке в сером пальто, который остановил его у могилы — помнил предупреждение слишком хорошо, чтобы рисковать уголовной статьёй ради капитана, который и так смотрел на него, как на пациента дневного стационара психиатрической клиники.

Громов вздохнул, постучал пальцами по столу и, скорее для порядка, чем из интереса, развернулся к компьютеру. Экран засветился, пальцы застучали по клавишам медленно, двумя пальцами, выбивая по одной букве за несколько секунд, как у человека, который и через пятнадцать лет службы так и не подружился с техникой.

— Наумов Матвей... отчество?

— Сергеевич

Громов нашёл запись, прочитал, и его лицо не выразило ровно ничего, кроме скуки подтверждённого факта.

— Так и есть. Осуждён, пожизненное лишение свободы, учреждение ИК-2, особый режим, «Белый лебедь». Статья актуальна, никаких изменений, никаких этапирований. — Он развернул монитор, будто показывая фокус. — Сидит

твой Людоед, Олег Викторович. Как и сидел.

— Система может ошибаться.

— Система, может, и ошибается, — Громов пожал плечами, — только у меня здесь база, а не твои глаза после трёх дней трезвости. Ты вообще третий день трезвый или уже неделю? Ещё скажи, что вон та серая «Ауди» за тобой следит, а в ней маньяк Наумов!

Олег промолчал. Внутри поднималась знакомая тяжесть — не злость даже, а что-то более вязкое, похожее на ощущение, когда кричишь под водой и знаешь заранее, что звук не долетит до поверхности.

— Слушай, — Громов понизил голос, стал чуть мягче, как человек, который всё же помнит, кем был собеседник когда-то. — Заявление я, так и быть, приму. Зарегистрирую, отправлю, куда положено. Но ты пойми: без доказательств, без фото, без свидетелей — это бумажка для архива. Никто дело заводить не будет против покойника.

— Он не покойник.

— Для системы — покойник, — отрезал Громов. — Для системы человек, которого осудили и этапировали, существует только в той форме, в какой записан. А твоя форма, извини, — спившийся бывший опер, который однажды ударил начальника РУВД и с тех пор по городу байки рассказывает. Ты бы, Олег Викторович, подлечился. Сходил к наркологу, что ли, со свежей головой. Серьёзно говорю, без обид.

Олег смотрел на него, на его аккуратно выглаженный ки-

тель, на календарь с церковными праздниками, прикреплённый к стене скотчем, и понимал, что говорит не с человеком, а с инструкцией в человеческом теле. Инструкция не умела слышать ничего, что не было подтверждено базой данных.

— Заявление зарегистрируй, — сказал он наконец. — Для архива.

Громов кивнул, черкнул что-то в бланке, поставил штамп, равнодушно и привычно, как ставят штамп на тысячной за смену бумажке, и протянул Олегу корешок.

— Бывай, Олег Викторович.

Олег вышел на крыльцо. Мороз «куснул» щёки, пахло углём из соседней котельной и мокрым асфальтом, несмотря на иней. Он посмотрел на корешок квитанции в руке — клочок бумаги, который завтра ляжет в папку вместе с сотнями других заявлений от пьяниц, скандалистов и обманутых дольщиков, и никто его больше никогда не откроет.

Стена. Он говорил со стеной, обитой казёнными обоями и обклеенной инструкциями, и стена вежливо кивнула, приняла его слова, занесла в реестр — и забыла раньше, чем он успел дойти до выхода из РОВД.

* * *

Редакция «Вестника» встретила его запахом подгоревшего кофе и гудением принтера, который кто-то забыл выключить ещё с вечера. Олег помнил это здание по старым временам — два этажа, облупленный козырёк, вывеска с буквой

«н», которая не горела, по всей видимости, никогда. Тогда он приходил сюда со сводками, подписанными у начальника, а журналисты смотрели на него с уважением, граничащим со страхом. Теперь охранник на входе долго вертел в руках его потрёпанный паспорт, будто проверял не личность, а степень трезвости.

Марину Кузнецову он нашёл в углу кабинета редакции, за столом, заваленным распечатками и пустыми, пластиковыми стаканчиками. Она постарела ровно настолько, насколько должна была за трое года: морщины у глаз, короткая стрижка вместо прежнего хвоста, сигарета за ухом, которую, судя по всему, здесь курить запрещали. Она подняла голову, узнала его не сразу, а потом усмехнулась одним уголком рта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.